

**Виктор Шкловский**

**О Маяковском**

**Москва**  
**«Книга по Требованию»**

УДК 82-94  
ББК 63.3-8  
Ш66

Ш66    **Шкловский В.**  
О Маяковском / Виктор Шкловский – М.: Книга по Требованию, 2012. –  
110 с.

**ISBN 978-5-4241-3148-6**

« Призвание поэта начинается с тоски. Вы знаете об этой духовной жажде, об уходе из жизни. О новом зрении и слухе. Великий поэт рождается из противоречий своего времени. Он предварен неравенством вещей, сдвигом их, течением их изменения. Еще не знают другие о послезавтрашнем дне. Поэт его определяет, пишет и получает непризнание. Люди вспоминают о Маяковском как о вечном победителе. Говорят, как он сопротивлялся в тюрьме, и это верно. Владимир Маяковский был крепчайший человек. Но ему было шестнадцать лет. Мальчика продержали в одиночке пять месяцев. Он вышел из тюрьмы потрясенным »

**ISBN 978-5-4241-3148-6**

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

Виктор Борисович Шкловский  
О Маяковском



# Раздел I

*В нем десять глав, в которых рассказывается о селении Багдади, о школе живописи, ваяния и зодчества в Москве, о художнике-футуристе Давиде Бурлюке, о поэтах и о том, к чему они стремились. В этом, же разделе рассказывается о будущих друзьях и товарищах великого поэта Владимира Маяковского.*

## Вступление

Можно по-разному начинать книгу о поэте, если она не его биография. И биографию не обязательно начинать сначала.

У биографий начала бывают разные.

Есть биографии с рассказами о гениальных мальчиках, о семилетних музыкантах, дающих концерты, о волхвах, которых привела в Вифлеем звезда, о двенадцатилетнем Иисусе, который спорил в храме с учителями. Так написано в Евангелии от Матвея и Луки.

Особенно много таких рассказов в Евангелии от Никодима. Евангелие это – апокриф.

Маяковский день своего рождения описал так:

В небе моего Вифлеема  
никаких не горело знаков,  
никто не мешал  
могилами  
спать кудроголовым волхвам.  
Был абсолютно как все  
– до тошноты одинаков —  
день  
моего сошествия к вам.<sup>1</sup>

Илья Муромец не имеет детства. Оно начинается с прихода к нему странников. До этого Илья Муромец скучал на печке.

У Сервантеса в «Дон-Кихоте» Дон-Кихот не имеет детства. В самом конце сказано, что его звали Алонзо Добрый.

«Дон-Кихот» начинается с чтения романов и с выезда старика Дон-Кихота в мир для совершения подвигов.

Это начало – с посвящения, с призыва.

Саул-крестьянин пошел искать ослиц и встретил Самуила. Он пришел к Самуилу-прозорливцу для того, чтобы тот ему сказал, где ослицы. Самуил ему ответил:

«Иди впереди меня на высоту, а об ослицах, которые у тебя пропали уже три дня, не зaborься. Они уже нашлись».

У Саула переменилось сердце, и он начал пророчествовать, а потом разрубил своих волов и отправил куски мяса во все селения в знак того, что он так поступит с теми, кто не придет на его призыв. Это называется призвание.

Об этом писал Пушкин.<sup>2</sup>

Вдохновение застигло поэта в пустыне.

Оно застигает, как смерть, пробуждает, как рана.

Оно обновляет губы и сжигает сердце.

Вот будем думать о том, когда был призван Маяковский.

О детстве его мы писать не будем. У него был отец в сюртуке лесничего. Он любил свою мать. У него были любимые сестры.

С отцом ездил Маяковский в горы, на лесистые перевалы, на которых дует дальний горный ветер.

## Пейзаж

Но все же напишем о месте, где родился Маяковский.

К юго-востоку от древнего города Кутаиси находится селение, называемое Багдад или Багдади. Оно стоит на правом берегу реки Ханис-Цхали, при выходе реки из ущелья.

Тут есть мост. Правее моста, у горы, дом из каштановых бревен. В доме три комнаты, окна вверху заостренные.

Дом стоит на довольно высоком фундаменте. Лестница каменная. Из горы бежит источник.

Вот здесь родился Маяковский.

Он родился в семье лесного кондуктора, Владимира Константиновича Маяковского.

Там много лесов, хотя в Батуми в то время привозили доски для ящиков из Австрии.

Это хорошие места. Весной горы стоят, покрытые серой травой, а деревья в цветах, как в дыму.

На красной земле лежат виноградные лозы, похожие на пружины, изрубленные в куски.

На виноградных лозах листья, еще не распустившие свои крылья.

Там, дальше, на перевалах, лежит снег, а за перевалами – Россия.

Здесь Грузия, Имеретия. На широких дворах, покрытых мелкой плотной зеленой травою, ходят индюки.

Посреди дворов стоят ореховые деревья, украшенные наплывами.

Река выбегает из ущелья косматая, взболтанныя.

Местами вода отведена в сторону и втыкается прямо в мельничные колеса.

Река говорливая, полная пенистым воздухом и горной мутью.

Владимир Владимирович Маяковский родился 7 июля 1893 года в Багдади, в доме Кучухидзе, у моста.

А рос он в другом доме, немного ниже по течению. Там стоит крепость, большая, высокая насыпь, облицованная камнем, кустарники переплели камни корнями.

В крепости устроены раскаты для пушек. Эта крепость прикрывает три дороги: одна идет в восточную часть Имеретии, а вторая – в Гурию и Мингрелию.

В крепости – дом, побольше, чем дом Кучухидзе. Третья дорога идет в Кутаиси.

Из Багдади поехал Маяковский учиться в Кутаиси. Ехали в маленьком, одноконном дилижансе. Я такие дилижансы еще видел в Кутаиси. Они зелено-голубые.

бые.

Дорога из Багдади в Кутаиси идет дубовыми рощами.

Какие-то деревья цветут розовым. Дома покрыты голубой пеной цветущих кустов, как будто кипятили сирень и она убежала, покрывши весь город шапками пены.

Рион в Кутаиси – еще горная река.

Бегут волны, на волнах тупомордые, мохнатые от ударов о камни бревна. Оттуда, с гор.

Это река, по которой не возвращаются.

Усталые буйволы лежат, погрузившись в воду по глаза.

Над городом гора, на горе развалины, огромные капители храма Баграта III. Построен этот храм тысячу лет тому назад.

Капители так тяжелы, что трудно представить их поднятыми на колонны.

Плющ покрывает упавшие и не потерявшие за тысячелетие связь камни.

На берегу реки стоит маленький двухэтажный дом. Это дворец бывших имеретинских царей.

Дом этот углом охвачен большим зданием гимназии.

Между большой гимназией и маленьким дворцом растет дерево, огромное, как эпическая поэма. Дерево невысоко над землей распадается на несколько огромных стволов.

Оно больше того дерева, на котором жили Паганель и Роберт Грант.

Под таким деревом можно судить народы и собирать войска. Вероятно, оно и было дворцом имеретинских царей, а дворец при дереве – сторожка.

В городе балконы висят над речкой, дома украшены арочками.

Кругом, на склонах гор, сады и виноградники.

Вот умер отец. Рион бежит, на Рионе те самые большие, мохнатые от ударов о камни бревна. Дома покрыты сиреневой пеной.

Книжки с индейцами еще не прочитаны, и не дочитаны еще революционные брошюры ростовского издания, и на Кавказе еще стреляют.

Он здесь дома, а надо уезжать, нечем жить. В доме три рубля. Надо куда-то деваться. Поехали в Москву. Москва большая. Там должно что-то случиться.

«За Тифлисом начались странные вещи: песок – сначала простой, потом пустынный, без всякой земли и наконец – жирный, черный. За пустыней – море, белой солью вылизывающее берег. По каемке берега бурые, на ходу вырывающие безлистый куст, верблюды. Ночью начались дикие строения – будто вынуты черные колодезные дыры и наскоро обиты доской. Строения обложили весь горизонт, выбегали навстречу, взирались на горы, отходили вглубь и толпились».

На станциях железные вышки. Говорят, это от комаров. Комар так высоко не залетает.

Пустыня, даже воду везут в цистернах.

А дальше белые хаты, гуси на полях.

Гуси на полях, как брошенная изорванная бумага. На горизонте ветряные мельницы, потом начались русские, непестрые леса.

Показалась Москва.

Он много видел ребенком, Владимир Маяковский, и ему было о чем вспоминать.

Есть сказка о том, как мужик сам делал погоду и забыл ветер, а ветер нужен

для ржи, когда она цветет.

Кавказ сохранил Маяковского, Кавказ дал ему Россию новой, свежей, даже звуки родной русской речи были новы.

Будем благодарны ветру перевалов.

## Москва была ржавая

Книга о детстве – «Давид Копперфилд» – едва ли не самая лучшая у Диккенса.

Это потому, что рана, нанесенная Диккенсу, рана, которую он зализывал всю жизнь, – рана детства.

Он тогда увидел тихую девочку, обиженного мальчика и Микобера, самого счастливого из всех неудачников. Потому что этот неудачник был красноречив.

Диккенс жил в своих романах вдохновением детства.

Поэтому «Давид Копперфилд» прекрасная книга.

«Детские годы Багрова-внука» Аксакова написаны о радости узнавания мира, о том, как вплывает в сознание река и вода открывает свою прозрачность.

Уже много лет тому назад пришел ко мне сын и сказал:

– Папа, оказывается, у лошадей нет рогов.

Так открывает ребенок жизнь.

Он открывает бабочку, и цвет сосны, и хмурое, недобroe волнение переправы на плотах.

Ребята рождаются одинаковыми, поэты возникают по-разному. Биографии, издававшиеся Павленковым, были фактическими примечаниями к работам Михайловского и других народников. В основе этих одинаковых по размеру книг лежит идея, что история создается героями, а герои рождаются.

Книга Горького, как и книга Диккенса, не монологична. Это книги о человеке, призванном в самом раннем детстве.

Владимир Владимирович Маяковский был призван к поэзии в Москве, после Бутырок, – это был 1910 год.

Призвание поэта начинается с тоски.

Вы знаете об этой духовной жажде, об уходе из жизни.

О новом зрении и слухе.

Великий поэт рождается из противоречий своего времени. Он предварен неравенством вещей, сдвигом их, течением их изменения. Еще не знают другие о послезавтрашнем дне. Поэт его определяет, пишет и получает непризнание.

Люди вспоминают о Маяковском как о вечном победителе. Говорят, как он сопротивлялся в тюрьме, и это верно. Владимир Маяковский был крепчайший человек.

Но ему было шестнадцать лет.

Мальчика продержали в одиночке пять месяцев. Он вышел из тюрьмы потрясенным.

В тюрьме он очень много прочел, – столько, что можно сообразить только потом.

Вышел он, зная, что такая мысль и как человек отвечает за свои убеждения.

Маяковский в тюрьме научился быть товарищем и в то же время научился замкнутости.

Это был очень скрытный, умеющий молчать человек.

Маяковский ушел из Бутырок зимой, без пальто: пальто было заложено. Он пришел домой, в маленькую квартиру. Надо было опять красить яйца для магазина Дациаро и для других магазинов: тогда были в моде рисунки Бём к русским пословицам. Девочки и мальчики, белокуренькие, бело-розовенькие, в русских кафтанах, целовались, а под ними были подписаны разные мудрые народные изречения. Это было соединение как будто бы и национального и как будто бы народного.

За работу платили пятнадцать копеек, за все вместе: за народность, за национальность и за детскость.

Делать этого надо очень много. Худой, широкоплечий, с невысокой грудью, Владимир Маяковский был всегда напористый работник.

Он выжигал, и красил, и полировал одну вещь за другой.

В комнате почти что тепло.

В одном рассказе Уэллса на окраине города живут обедневшие муж с женой, потом они идут в Армию спасения, надевают синюю холстину, которая снимается только с кожей, и занимаются металлопластикой, выдавливанием каких-то рисунков на тонком металле прибором, похожим на наперсток.

Люди большого города любят ручную работу и механизируют художника.

Один мой друг по «Лефу», человек странных и неожиданных знаний, рассказывал мне теорию продажи галстуков.

Покупателю предлагают несколько коробок галстуков. Среди этих коробок один галстук не похож на все остальные. Называется он оригинальным. Покупатель долго ищет, что удовлетворит его душу. Он выбирает галстук оригинальный.

Фабрика массовым образом изготавляет только оригинальные галстуки.

Остальные, неоригинальные, существуют только для того, чтобы навести его на этот след. Так облава ведет медведя на ружье.

Для оригинальности тогда нужна была ручная работа.

Ручное, механическое, прикладное. А род был средний. Все это заканчивалось словом «искусство».

Маяковский, знавший Кавказ, любивший быстрый Рион, Маяковский, читавший Маркса, веривший в революцию, приговорен был к созданию бёмов.

Знакомые все были потеряны.

Он не гимназист, у него нет товарищей по гимназии, он не на фабрике. Люди из революционного кружка арестованы.

Он один в городе.

Он не был бездомным. Дом – квартира, семья – у него есть. Но в стихах и даже в воспоминаниях его друзей того времени он кажется бездомным.

Это бездомность юноши, который отрывается от своего дома и ищет собственную судьбу.

По Москве ходят быстрые, просторные и дорогие трамваи. На Садовых шумят деревья.

Москва вся круглая, запутанная, вся в вывесках – пестрые вывески и вывески черные, с золотыми буквами. Москва вся вымощена черепами булыжников. По круглой Москве блуждал Маяковский в черной бархатной рубашке, темные волосы закинуты назад. Так ходили мастера-печатники. Но у тех рубашки сатиновые. Такую рубашку звали «пузырем», а человека, так одетого, звали «итальянцем».

Он шел бульварами. Провода бежали над Москвой, перечеркивая тонкие шеи колоколен. Узкая Соболевка, населенная проститутками, втекала в кольцо Садовых. Трамваи над ним скрещивали вспышки. Ночи в Москве длины.

Красная площадь от утреннего света как будто усеяна костями. Ребрами и черепами кажется булыжник.

И, может быть, утренняя мостовая похожа на озеро, покрытое рябью, и к берегу пристал неуклюжий корабль Торговых рядов.

Лужи стоят на мостовой. В лужах отразилось разорванное пятиглавие храма Василия Блаженного. Голуби ходят между сверкающими обрывками неба, стен и церквей.

Женщина с лукошком бродит по площади. В лукошке смесь разных круп.

Толпою, толкая друг друга, за нею топчут камень и обрывки неба голуби.

Эта женщина кормит их на деньги прохожих.

Раннее утро. Солнце встает, дует теплом.

Крутая Тверская. Низкая стена Страстного монастыря.

Сняв шляпу, высокий среди низких домов, стоит вымытый дождем, сверкающий Пушкин в бронзовом плаще.

Перед ним большой, недавно выросший мальчик в черной рубашке.

Стоит на Страстной площади Маяковский, еще не рожденный, еще не нашедший слова.

На памятнике Пушкину, у постамента, перевранная надпись.

А в общем – весна.

Меня

Москва душила в объятьях

кольцом своих бесконечных Садовых.

В сердца,

в часишки

любовницы тикают.

В восторге партнеры любовного ложа.

Столиц сердцебиение дикое

ловил я,

Страстною площадью лежа.

Враспашку —

сердце почти что снаружи —

себя открывают и солнцу и луже.<sup>3</sup>

## Живопись переучивалась

Владимир Маяковский учился живописи у Жуковского. У Жуковского писал натюрморты, составленные из уже красивых вещей: серебро с шелком или с бархатом. Скоро он догадался, что учится рукоделию, а не искусству. Пошел к художнику Келину.

Келина Владимир Владимирович потом очень уважал и оговаривал отдельно свое уважение. Так прошел 1910 год. В 11-м году он был принят в число действительных учеников школы живописи, ваяния и зодчества. Он не любил эту школу. В то время художники учиться уезжали в Париж или Мюнхен. Художники-иностранные за границей наполовину были русскими. Оттуда и приходили новости.

Школа живописи, ваяния и зодчества стояла против Почтамта. Маяковский

говорил, что она только поэтому и не потерялась в Москве.

Было чем определить ее адрес.

Она и сейчас стоит там. У нее такой же круглый стертый угол.

Это была школа, в которой ученики могли ходить в форме с золотыми наплечниками.

Но так почти никто не одевался. В большом классе сидело сразу по сорок человек. За место боролись. Казалось, что есть самый выгодный ракурс. Приходили с ночи и ждали места, как билета на Шаляпина.

Рисовали не голову и не натуру, а полунатуру.

Женщину или мужчину, наполовину одетых.

Хотели людей научить рисовать мало-помалу. Сперва голову, потом до пояса, потом пририсовать к этому живот и ноги. Предполагалось, что ученик соберет потом свое умение и научится рисовать человека.

Маяковский очень хорошо работал в школе Келина, а здесь, в большой мастерской школы живописи, ваяния и зодчества, работал хуже.

Состав учащихся разношерстный. У одного даже челка, наплечники и отвес.

Через тонкую нить отвеса смотрит на натурщика ученик с челкой. Хочет сделать правильную постановку. Смотрит, как приходится следок относительно соединения ключиц. Человек с челкой утверждал даже, что этот отвес целое открытие, что благодаря отвесу он избежит влияния Сезанна.

О Сезанне говорили все.

Человек с челкой не любил Сезанна. Он думал, что Сезанн не умел проводить вертикальных линий.

В столовой ели бутерброды с колбасой, пили пиво и много спорили. Маяковский спорил больше всех, бутерброды не брал. Он стоял у стойки. В карманах черной бархатной блузы спички, дешевые папиросы. Блокнот. Книга. Карманы оттопырены. Шея сильная, не тонкая. Волосы откинуты назад, каштановые, для невнимательных людей черные. Руки красные от мороза, брюки узкие, черные, запыленные. Зубов шестнадцать разрушено. Хорошие зубы там же, где бутерброд с колбасой, – они стоят денег на починку. Губы тяжелые, уже привыкшие отчетливо артикулировать.

Человек с челкой очень старался рисовать, и его даже не переводили в натурный класс за то, что он так старается. Впоследствии он достарался до АХПРа<sup>4</sup>, научившись хорошо рисовать стеклянные чернильницы и собирать фигуры из кусков так, что они казались если не живыми, то, по крайней мере, срисованными с чего-то хорошего.

А Маяковский не старался. Это было время, когда в живописи вдруг пошел лед и все перемешалось.

Был такой случай у Жюля Верна: построили люди, добывая пушнину на лесистом берегу Северного моря, факторию. Земля, на которой они построились, оказалась льдиной. Льдина оторвалась, поплыла путем, который впоследствии оказался дорогой советских полярников. Льдина плыла вместе с озерами, лесами.

Солнце вставало то с одной, то с другой стороны. У берегов не было прилива, потому что льдина поднималась вместе с приливной волной.

Тогда на льдине много говорили об астрономии и географии.

В курилке школы живописи, ваяния и зодчества говорили об импрессионистах. Льдина плыла не первый год. Когда-то, борясь с коричневой болезнью

академической живописи, французские художники ушли из мастерских, ушли от заказчика, ушли от сюжетов и начали рисовать голое тело на траве, поняв, что тень тоже имеет окраску.

Они шли от краски к цвету. Они уничтожали знание предмета для того, чтобы осознать истину предмета.

Они работали трудно и горько. На их выставках хохотали. В их картины тыкали зонтиками. Потом, к мертвым, картины которых уже были скуплены, пришла слава.

А льдина все плыла.

Уже боролись с импрессионизмом. Хотели создать в картине истинное пространство. Хотели победить сетчатку глаза и создать не иллюзорный, не только зрительный, но и мускульно познаваемый пространственный мир. Создавали пространство не светом, а краской.

У тех, кто остался с импрессионистами, исчез мазок, его заменили цветной точкой. Другие начали учиться писать у японцев, у китайцев.

Скульпторы разочаровались в Фидии и начали понимать греков-архаиков. Потом начали увлекаться скульптурой негров.

Париж стал городом живописи. Туда съехались люди, как когда-то съезжались в Италию, съехались плыть на быстро тающей льдине в страну солнца, не имеющего места восхождения.

Париж стал столицей испанца Пикассо. Уже не верили в цвет – в жажде понять пространство. Начали исследовать вещь, раскладывать ее, пытались ее изобразить не только так, как видят, но так, как знают.

В Париже зашумели люди, говорящие друг с другом на непонятных языках. Аналогичный случай когда-то произошел при построении одного высокого здания в Вавилоне.

## Давид Бурлюк

В. Хлебников в своем стихотворении «Бурлюк» так описывал это время:

Россия расширенный материк

И голос Запада громадно увеличил,

Как будто бы донесся крик

Чудовища, что больше в тысячи раз.

Ты, жирный великан, твой хохот прозвучал по всей России,

И стебель днепровского устья, им ты зажат был в кулаке,

Борец за право народа в искусстве титанов,

Душа России дал морские берега.

Странная ломка миров живописных

Была предтечей свободы, освобожденьем от цепей.

Бурлюк был не один.

Гончарова и Ларионов привезли картины, написанные под влиянием русского лубка и русской иконы. Заговорили об искусстве вывесок.

На благополучных выставках Петербурга, где висел Александр Бенуа из «Мира искусства», в меру не умевший рисовать с натуры, где рисовали спокойные люди, умевшие перерисовывать, появились Гончарова, Ларионов, Шагал.

На выставках появились «комнаты диких». Казалось, картины в этих комнатах кричат. Люди на выставках стали говорить шепотом. Заказчик был потерян.